

ИММАНУИЛ КАНТ –
РАСИСТ И КОЛОНИАЛИСТ?В.А. Чалый¹

В конце мая 2020 г. в США после вызвавшего большой резонанс убийства полицейским задержанного афроамериканца развернулась кампания против памятников деятелям, чья репутация, по мнению протестующих, запятнана расизмом. Некоторые немецкие публицисты, впечатленные этой кампанией, предприняли аналогичный поиск расистов среди национальных мыслителей и политиков прошлого. Неожиданно «козлом отпущения» оказался Кант. Эта реплика – попытка оценить перспективу данного выбора в сравнении с русским опытом.

В ноябре 2018 г. памятник Канту в Калининграде был атакован розовой краской и обсыпан листовками, называвшими философа врагом и призывавшими студентов протестовать против использования его имени университетом. Глобальные медиа жадно впитали фотографии «розового Канта». К тому времени, когда новости достигли большей части публики, памятник уже вернулся в нормальный вид, в котором с тех пор благополучно и пребывает. Но дело было сделано, и мировая общественность единодушно осудила акт вандализма в России. Российская культурная публика также выразила возмущение по отношению к этой акции, правда, разделившись в оценках: одни сочли ее проявлением почвеннического стихийного вандализма, другие – специальным пропагандистским мероприятием.

Прошло полтора года, и ситуация изменилась. Теперь уже прогрессивной общественностью считаются те, кто атакует памятники – как отлитые в бронзе, так и напечатанные на бумаге. В Америке пострадали не только конфедераты и Джефферсон, но и Сервантес, а в немецкой прессе снова зазвучали голоса о том, что Кант был расистом. Что сближает западных критиков, смешивающих Канта с конфедератами и колониальными магнатами, и русских метателей краски, видящих в нем врага?

Во-первых, это resentment, нечувствительный к аргументам и адресованный всему, что хоть

IMMANUEL KANT –
RACIST AND COLONIALIST?V.A. Chaly¹

A murder of an Afro-American detainee by a policeman at the end of May 2020 caused a public outrage in the United States, which led to a campaign against the monuments to historical figures whose reputation, according to the protesters, was marred by racism. Some German publicists, impressed by the campaign, initiated an analogous search for racists among the national thinkers and politicians of the past. Suddenly Kant emerged as a 'scapegoat'. This statement is an attempt to assess such reactions from the perspective of Russia's experience.

In November 2018 Kant's monument in Kaliningrad was attacked with pink paint and strewn with leaflets calling Kant an enemy and urging students to protest against the local university's use of Kant's name. The global media eagerly absorbed the photos of 'pink Kant'. By the time the news reached its audience, the monument was restored to its normal condition in which it has since safely remained, but the deed was done and the global public unequivocally condemned the act of vandalism in Russia. The Russian public did so, too, but they differed in opinion whether this was a genuine act of spontaneous vandalism, or a special propaganda operation.

Over a year passed and the situation changed. Now the progressive public are the attackers of the monuments – of both those in bronze and those printed on paper. In the USA the confederates and Jefferson fell victims to the statue-toppling campaign as did Cervantes, while in the German press Kant is again accused of racism. What brings together the Western critics, blending Kant with confederate generals and colonial moguls, and the Russian paint-throwers proclaiming him an enemy?

First there is *ressentiment*, insensitive to arguments and directed at anything that scratches against the sore consciousness. It can seem spontaneous and "authentic" when expressed by a crowd

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 22.06.2020 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-2-5
© Чалый В.А., 2020.

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo Street, Kaliningrad, 236016, Russia. Received: 22.06.2020.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-2-5
© Chaly V.A., 2020.

сколько-нибудь задевает уязвленное самосознание. Он может выглядеть спонтанным и «подлинным» у толпы в Америке, сносящей памятник, или в значительной мере наигранным у известного российского адмирала, обязанного своим положением транслировать сверху определенный комплекс эмоций (Кант извинил бы адмиральский выпад как случай публичного применения того, что можно назвать разумом). Однако это одно и то же явление, описанное Ницше и Шелером и вновь поднимающее голову. Это воображаемая месть за долги притеснения, настоящее устранение которых требует выдержки, большой работы мысли и спокойной уверенности в своей правоте. Осквернение памятника анонимными недоброжелателями или его снос эмоциональной толпой — не решение проблемы, а симптом уязвленного бессилия, признание собственной неспособности решить проблему в суде, создав такой суд в случае необходимости.

Во-вторых, это непосредственность, с которой соблюдение нынешних стандартов и приверженность актуальным убеждениям требуются от исторических фигур. Для адмирала Кант «предал свою родину», в 1758 г. приняв российское подданство вместо того, чтобы призвать к оружию или уйти в подполье, и «ползал на коленях, вымаливая кафедру» в своем прошении, адресованном русской императрице. То, что лояльности и идентичности, как и нормы письма и формы вежливости, в XVIII столетии были устроены иначе, не интересно критику, потому что его перформативный речевой акт имеет цели иные, нежели аккуратный поиск истины. Подобным же образом, хотя и с много большей тщательностью, устроены выступления некоторых нынешних критиков Канта: представления XVIII в. подгоняются под современные стандарты, ставшие возможными вообще-то именно благодаря развитию этих самых представлений. Это свидетельствует либо о невнимании к тщательности аргументации, либо о том, что цель нападок критиков, как и выступления адмирала, — не поиск истины, а консолидация и направление энергии ресентимента ради реализации той или иной политической программы, которой служит та или иная газетная редакция.

Для читателя, судящего о Канте не по газетам, кантовский расизм — далеко не новость. В философской литературе эта проблема обсуждается десятилетиями, и она действительно серьезна, поскольку расизм не является периферийным предрассудком, случайно сохранившимся у великого в остальном мыслителя, а отражает его теоретиче-

toppling a monument, or mostly feigned when adopted by a certain admiral, obliged by his position to transmit a particular complex of emotions from above (Kant would have excused the admiral's salvo as a private use of what could be called reason). But this is still the same phenomenon described by Nietzsche and Scheler and again rearing its head. It is imaginary revenge for the long lasting injustice, the real elimination of which requires much thought, endurance and calm confidence in one's rightness. Throwing paint at a monument or its toppling by an emotional crowd is not a solution to the problem, but a symptom of wounded impotence, a recognition of one's own inability to solve the problem by taking it to court, creating one if necessary.

Second is the unabashed immediacy with which current standards and conventions are applied to historical figures. To the admiral, Kant was a "traitor of his motherland" because in 1758 he assumed Russian citizenship instead of calling to arms or starting a resistance, and he "grovelled to obtain a chair" in his letter to the Russian empress. The fact that the forms of loyalties and identities, as well as the norms of writing and courtesy, were vastly different in the eighteenth century than they are today did not occur to the speaker, because his performative act pursued agendas beyond accuracy and truth. Although far more nuanced and careful, some of the present attacks on Kant follow the same template. The ideas of the eighteenth century are judged by current standards which themselves were made possible by the development of these very ideas. This either signifies the neglect of thoroughness in argumentation or reveals that the purpose of the critics, just as that of the admiral, is not truth but the consolidation and channelling of *ressentiment* to fuel this or that political agenda, served by this or that newspaper editorial.

To the readers who do not judge Kant by the newspapers his racism is old news. It has been discussed in the philosophical literature for decades and does indeed present a serious challenge. For Kant's racism is, arguably, not a remnant peripheral prejudice in the worldview of the otherwise brilliant thinker, but a systematic part of his theoretical statement regarding the natural development of humanity. Criticising and overcoming this statement, not least from the platform of Kant's own moral philosophy, is an important theoretical task carrying

ские представления о естественном развитии человеческого рода. Критика и преодоление этих представлений, в том числе с позиций моральной философии самого же Канта, остается важной теоретической задачей, имеющей практические последствия. Но эта задача не имеет никакого отношения к разворачивающейся кампании против памятников и не может быть решена с ее помощью. Напротив, подобные кампании затрудняют прогресс, приглашая носителей resentment «обогащать» дискуссию их специфическими методами. Можно допустить пользу в виде некоторого внимания со стороны хотя бы части рассерженной общественности к впечатляющим результатам, которые получены учеными, критикующими расистские тенденции у Канта и вообще в Просвещении. Однако эту пользу далеко превосходит вред, наносимый прямолинейными и упрощенными ассоциациями между Кантом и расизмом в глазах широкой публики. Если один из величайших западных мыслителей не более чем расист, которому случалось писать «непонятные книги» и о других, непереносимо скучных предметах, то что может спасти западную философию?

Помимо негодования и исторической непосредственности, в занимаемых адмиралом и нынешними обличителями Канта позициях есть и концептуальное родство. Русская философия давно, задолго до критической теории, постколониализма и деколонизации, разглядела колониальный компонент западного просвещения. Многие русские мыслители восприняли этот компонент как суть западной философии и, в частности, философии Канта. Западный разум, колонизирующий русский быт, навязывающий ему чуждую форму, подменяющий русскую общинность и религиозность (реальные или воображаемые) самозаконностью рационального индивидуализма и порядками индустриального капитализма, в России был мишенью критики как минимум с первой трети XIX в. Наиболее радикальные из славянофилов разглядели главный инструмент западной колонизации в современном русском государстве. Эпоха, начатая Петром I и до сих пор не закончившаяся, разделила русских на эксплуататорское западническое меньшинство, компрадорскую «элиту», и эксплуатируемый народ, живущий остатками традиционного уклада. Искусственный барьер между ними оказался едва ли меньшим, чем барьер между расами, а закрепощенное русское крестьянство своим положением мало отличалось от африканских рабов Запада.

practical implications. But this task has nothing to do with the anti-monument campaign and cannot be accomplished by its means. On the contrary, such campaigns inhibit progress by inviting those infected with *ressentiment* to 'enrich' the discussion with their methods. Granted, some good can be made from bringing at least a portion of the public's attention to the impressive conceptual work already accomplished by scholars criticising racist tendencies in Kant and the Enlightenment in general. But this is overshadowed by the harm done by the immediate and simplistic association of Kant with racism in the eyes of the general public. If one of the greatest Western thinkers is little more than a racist who also happened to write "incomprehensible books" on other utterly boring subjects, what can save Western philosophy?

Ressentiment and primitivism aside, there are conceptual similarities between the two positions that seem especially vivid from a Russian perspective. Russian philosophy long before critical theory, postcolonialism and decolonization noticed the colonial component of Western Enlightenment. To some Russian thinkers this constituted the essence of Western modern philosophy as such, and particularly that of Kant. Western reason, colonising Russian being, subjugating it to an alien form, replacing Russian communitarianism and religiosity (whether real or imaginary) with the autonomy of rational individualism and the industrial capitalist order, was the target of criticism in Russia at least since the early nineteenth century. The most radical of the Slavophiles went as far as seeing the Russian modern state itself as the chief instrument of Western colonisation. The epoch initiated by Peter the Great, and still ongoing, divided the Russians into a westernised minority of the exploiters, a "comprador elite", and the exploited people subsisting on the shrinking remains of traditional ways of life. The artificial barrier between the two proved comparable to that between races, and the position of Russian peasant serfs was not much different from that of the African slaves of the West. On such a view, the catch-up modernisation of Russia was in fact double colonisation, external and internal, and German philosophy was essentially a tool of oppression. Kant provided not only for the Western guns of Krupp but also for the batons of Russian police and the shape of Russian jails. Thus, the pink paint on Kant's monument was not an accident but an echo of a long standing debate.

В такой перспективе история догоняющей модернизации России — это история двойного колониализма, внешнего и внутреннего, а немецкая философия выступает инструментом угнетения. Кант обеспечивает не только западные пушки Крушпа, но и дубинки русской полиции, и формы русских тюрем. Поэтому история с розовой краской на памятнике Канту — не случайность, а отголосок давно идущего спора.

Возражения на этот взгляд имеют в России столь же давнюю историю и наверняка покажутся знакомыми. Они исходят из того, что у человечества общая космическая судьба, что ориентирами нам служат общие нормативные идеи и что эти абстрактные идеи наполняются конкретным содержанием только в жизни различных и многообразных рас, народов и человеческих личностей. Однако и партикуляризм возможен лишь вместе с универсализмом, поскольку только на универсальных основаниях можно построить общий мир для различного. К таким основаниям относятся универсальная человеческая разумность и способность к состраданию и любви. Да, Кант был невысокого мнения о любви, но безусловно был философом разума. Альтернативой разуму является обскурантизм, чья идейная нищета вынуждает его приверженцев отдаться двум состояниям. Первое — это бунт, в котором исполненные ресентимента и не имеющие связной мысли люди сокрушают то, что не смогли понять и над чем не смогли подняться. Русская революция 1917 г. и последовавшая за ней сталинская реакция стали результатами движения по этому пути, и последствия такого выбора до сих пор довлеют над Россией. Второе — это принятие и даже прославление своей сколь угодно неприглядной действительности и сколь угодно противоречивой и кровожадной идеологии, если она осенена авторитетом «своего» государства, партии, этнической группы или религиозной секты. Принятие и провозглашение себя такими, какие мы уже есть, и яростная критика просвещения и образования как колонизации, осуществления классовой гегемонии или угнетения нашей подлинной идентичности обрекают нас на самодовольство и деградацию в состоянии несовершеннолетия. Это путь, также пройденный в русской философии за несколько десятилетий позапрошлого века.

Русский опыт показывает, что сегодняшние западные радикалы, отвергающие «философию мертвых белых мужчин» и ее универсалистский разум с моральных, как им кажется, позиций, об-

The objections to this view in Russia are as old and will certainly sound familiar. They state that humanity has a common cosmic destiny, that we are subject to the same normative ideas and that these universal ideas acquire being only through the variety of particular races, nations and human personalities. However, such particularism has to rely on universalism to secure the basis for a peaceful proliferation of plurality. And this universalism is drawn from the universality of human reason and the capacity for compassion and love. Admittedly, Kant was not a champion of love, but he certainly was the champion of reason. The alternative to reason is obscurantism, the intellectual poverty of which forces its adherents to immerse themselves into two states. One is the state of riot, in which resentful and thoughtless mobs crush whatever they have failed to understand and overcome. The Russian revolution of 1917 and the Stalinist reaction offer an example of this path, and Russia's present is still carrying the burden of this historical choice. The other is the state of acceptance and glorification of whatever negligence one happens to possess and whatever contradictory and bloodthirsty ideology is offered by one's "own" and "true" state, party, ethnic group, or religious sect. Acceptance and glorification of whatever we already are and vehement criticism of enlightenment and education as attempts at colonisation or oppression of one's identity doom us to smugness and degradation in self-incurred immaturity. This path was also well-travelled in Russian philosophy throughout the nineteenth century.

Russian experiences show that today's Western radicals, discarding the "philosophy of dead white males" and its universalist reason from what they take to be moral perspectives, foredoom themselves to these conditions of riot and smugness. However, the refined public causes far more surprise when it opts for the policy of appeasement, or is overtaken by empathy towards the protesters, or gets carried away by what it mistakes for a fun game of statue-toppling or takes for a career opportunity, or, conversely, accepts the guilt and kneels in front of a mob. From an outsider's point of view this seems like a capitulation to *ressentiment* and has nothing to do with the elimination of evil done by racism and racists. On the contrary, this capitulation to immaturity means abandoning one of the very few positions from which

рекают себя на бунт и самодовольство. Но настоящее удивление вызывают не они, а утонченная публика, либо выбирающая политику умиротворения, либо захлестываемая эмпатией по отношению к протестующим, либо ошибочно принимающая сбрасывание памятников за веселую игру или карьерную возможность, либо, наоборот, съедаемая чувством вины и встающая на колени перед толпой. Если смотреть со стороны, то это выглядит как капитуляция перед ресентиментом, которая не имеет ничего общего с возмещением зла, причиненного расизмом и расистами. Наоборот, сдать в плен несовершеннолетие означает оставить одну из очень немногих позиций, с которых сегодня можно убедительно аргументировать, законно требовать и практически осуществлять последовательное и полное искоренение расизма. Чтобы вскарабкаться на плечи таких гигантов, как Кант, и увидеть дальше, чем видели они, надо не ниспровергать их, не обливать их памятники краской, не ненавидеть или боготворить их, но пытаться понимать, отдавая должное их открытиям и преодолевая их заблуждения.

Об авторе

Вадим Александрович Чалый, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VCHaly@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

Для цитирования:

Чалый В.А. Иммануил Кант — расист и колониялист? // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 2. С. 94–98. doi: 10.5922/0207-6918-2020-2-5.

it is possible today to forcefully argue, lawfully demand and practically organise the consistent and thorough eradication of racism. If we wish to climb on the shoulders of giants like Kant and see further than they did, it makes sense not to overthrow them or spray their monuments with bright paint, not to detest or worship them, but try to understand them, paying due respect to their discoveries as well as overcoming their errors.

The author

Prof. Dr Vadim A. Chaly, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russian Federation.

E-mail: VCHaly@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

To cite this article:

Chaly, V.A., 2020. Immanuel Kant — Racist and Colonialist? *Kantian Journal*, 39(2), pp. 94-98. <http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2020-2-5>.